

Анюта Васильева

Истерзанная.

Подарок для Амона

<https://litres.ru/74400734>

Аннотация

Камилла привыкла решать свои проблемы самостоятельно. Всегда шла напролом. С самого детства всё сама, ни на кого не надеясь. Вот только одна ошибка — и на этот раз ей самостоятельно не выбраться! Девушке светит реальный срок, и, кажется, есть только один выход, чтобы избежать его. Она вынуждена стать секс-рабыней, послушной игрушкой. Камила уверена: потерпеть нужно совсем немного — и она обретёт свободу. Только всё ли так просто? Девушка совершенно не знает, на что соглашается на самом деле и в чьи лапы попадёт. #_БДСМ #_эмоции на пределе #_Откровенные сцены с применением секс игрушек.

Содержание

1 Глава	4
2 Глава	8
3 Глава	17
4 Глава	26
5 Глава	31
6 Глава	40
7 глава	45
8 Глава	50
9 Глава	57
10 глава	63
11 Глава	70
12 Глава	83
13 Глава	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

1 Глава

БДСМ — психосексуальная субкультура, основанная на эротическом обмене властью и иных формах сексуальных отношений, таких как господство и подчинение.

Соответственно, ничего приличного в книге не будет! Готовы? Тогда поехали...

Глава 1

— Подписывай, тварь, или я тебя в обезьяннике закрою сейчас же.

— Не буду я ничего подписывать! — с вызовом смотрю на следователя, а у самой от страха мышцы сводит.

— Ты что думаешь, шлюха детдомовская, я шутки с тобой шутить буду? Тебя твои же дружки с потрохами слили. Видео предоставили, где ты у машины крутишься.

— Это не я! В смысле, рисовала я, а поджог — кто-то другой, я же говорила вам.

— Ты мне в уши не втирай, пигалица! Машина загорелась сразу после твоего ухода.

— Я не поджига... — очередная пощёчина обжигает лицо.

— Я лично навещать тебя на зоне буду! — наклонившись, жирный вонючий говнюк выплёвывает мне это прямо в лицо. С трудом сдерживаюсь. Меня вот-вот стошнит от вида угревой сыпи на его небритом лице, ну и от запаха гнилых зубов,

соответственно. — Трахать буду тебя во все щели. Хотя нет! Пиздень разъёбанную твою не трону. Зад у тебя ничего такой. Упругий орешек. И рот, уверен, рабочий. Губки аппетитные. Сегодня же вечером опробую их на своём члене.

Самую унижительную процедуру я уже прошла. И я думала, это только в кино они «под хвостик» заглядывают. А нет! И хотя смотреть меня должна была женщина, этот уёбок присутствовал и, лично заглядывая мне туда, так пристально разглядывал, что я пожалела о том, что отказалась от гороховой каши на ужин.

— Не помешаю? — Жирная мразь от неожиданности подпрыгнул на месте.

— Дамир Алу-бала... — Бала...

— ...бол, — подсказываю шёпотом, и следователь-придурок на автомате повторяет.

Правда, тут же мужык опомнился и с размаху звезданул меня по голове так, что я слетела со стула и приземлилась на грязный бетонный пол. — Всю задницу себе отбила!

— Можно просто Дамир, — мужчина сказал это немного гневным голосом. При этом не торопясь прошёл вглубь комнаты.

— Д-да, хорошо.

А жиртресс-то ссытся...

— Не стоит поднимать руку на подозреваемую, — и лапу подаёт. В смысле, руку мне протягивает.

С подозрением смотрю на мужчину, принимая помощь.

На руках у меня наручники, и я скорее рефлекторно обеими ладонями обхватила предложенную мне крупную, по-мужски руку.

— Да, я понимаю, — заискивающе, едва ли не щебеча, говорит следователь. — Но знаете, эти детдомовские... никаких нервов не хватает на них. И вот в лицо доказательства ей, а она — не поджигала и всё тут!

— Ну, а вдруг не она всё-таки?

— Она! Её дружки видео нам предоставили.

— Да какое к чёрту видео! Там в темноте не разобрать ничего, — снова не сдерживаюсь, завожусь.

— Рот закрой! — следак орёт во всю глотку.

— Подельники?

— Свидетель. Парень сказал, вела себя странно, вот он и решил, так сказать, бдительность проявить.

— Всё понятно. Товарищ следователь, вы позволите мне побеседовать с задержанной наедине?

— Да вы что, так не... — следователь ловит взгляд мужчины, лицо которого мне смутно знакомо, но я не могу вспомнить, где его видела. Точно где-то видела!

— Хорошо, но у вас не более пяти минут.

— Мы уложимся.

Следак уходит, а молодой широкоплечий мужчина с заметно отросшей щетиной садится напротив меня.

— Ну что, Камилла, поговорим?

— О чём? — Не знаю почему, но с ним мне что-то совсем

не хочется спорить.

— Зачем ты спалила мою машину?

— Да не палила я её! Что я, дура совсем, что ли? Я даже не знаю, кто вы! — Взгляд мужчины меняется, он щурит глаза, а меня словно обухом по голове ударяет.

Вот же блин... Я похоже действительно влипла!

2 Глава

За два дня до этого!

— Ну что, Камилла, теперь не отмажешься!

— Ага... Котова, и не отмажешься?! Подожди, как время к делу подойдёт, у неё опять что-нибудь случится.

— Иди в зад, Штефан. В прошлый раз ты лично перемерял мне температуру. Я не виновата, что заболела.

— А до этого тебя в чулане кто-то запер. А перед тем спалилась перед воспитательницей, и она тебя наказала суточным дежурством...

— Не вешай на меня необоснованных кассиков, Федька. Лабуда всё это!

— А вот и проверим! — снова подаёт голос Светка. — Если сольёшься, примем за зашквар. Дежурить только по сортирам будешь. И на выпускной в обоссанной сорочке пойдёшь.

Долбанная Куркина со своим Штефаном.

Иногда я всерьёз задумываюсь над их убийством. Я не шу-чу! Именно они подбивают нас всех на сомнительные авантюры.

В тринадцать лет я попала в этот детский дом. Мои родители умерли, когда я была совсем маленькая, они ушли друг за другом.

Я росла с бабушкой, но и у неё меня уже скоро забрали

из-за состояния её здоровья. Бабушки не стало ровно через год. И я уверена, это потому, что меня рядом не было!

Да, я часто пропускала школу. Да, одета не по погоде была, но нам с бабулей платили копейки, и с них нам приходилось покупать довольно недёшевые лекарственные препараты для неё.

Попав сюда я всем своим видом показывала, как не хотела жить в детском доме, но убеждать в подобных заведениях умеют.

Меня ломали. Расшатывали психику, причём вполне сознательно. Воспитатели часто запирали меня в чулане, прекрасно зная о моей клаустрофобии.

У меня тут была единственная подруга, которая поддерживала меня. Мы друг друга поддерживали.

Она уже год сидит в тюрьме. И благодарить за это нужно Светку с Федькой.

Как же я ненавижу их обоих!

Сейчас они и меня загнали в угол. Чёрт меня дёрнул сыграть в это дурацкое «Очко». И знала же, что развод, — нет, полезла, — идиотка!

В целом, хрен с ними. Всего-то нужно написать неприличное слово на дорогой тачке и свалить по-быстрому.

Если я правильно поняла ночное перешёптывание Насти Булиной и Женьки Князевой, то Светка крутанула хвостом перед нашим новым спонсором, а он отшил её. Теперь она хочет отомстить ему. И, разумеется, не своими руками.

Ладно, хрен с ней. С ними! Штефан, жопализ сраный, он за Куркиной, как собачонка бегает, даже не знаю, со сколько лет! Когда я попала сюда, он уже был её послушным пёсиком.

Мне действительно несколько раз подряд удавалось отмазаться от всякого рода «шалостей» — если их так можно называть.

Но в этот раз точно не проканает. Придётся решиться.

— Эй, что за хрень, Штефан? Ты же говорил, машина на территории нашего района стоять будет! — уже этим вечером мне предстояло исполнить проигранное мною желание.

— Котова, не пи-пи, а? Наоборот, даже лучше, что машина на нейтральной территории. Ни на кого из нас не подумают.

— Может, всё-таки ты пойдёшь? — принимаю слабую попытку.

— Опять слиться хочешь?

— Да ничего я не хочу! — смотрю на баллончик с краской, что передал мне Федька, и взвешиваю его в руке. — Просто баллончик тяжёлый. Вдруг некрасиво получится.

Сказать, что я действительно очковала, — не сказать ничего. С каждым часом волнение нарастало всё больше и больше, и вот когда уже совсем стемнело, я готова была на полном серьёзе мыть туалеты и на выпускной идти в сраной сорочке.

Да вот только эти уроды всерьёз могут всё это организовать. И плюс ко всему настроят весь детдом против меня, и мне этот оставшийся месяц раем точно не покажется.

Пробираюсь через кусты, скребусь вдоль заборов.

Мы все уже давным-давно научились обходить камеры видеонаблюдения, что по нашей территории натканы.

У нас образцовый детский дом, но только мы, воспитанники, знаем, что это всё мишура. Новые скатерти и шторы только для проверяющих и спонсоров. Нормальная одежда на нас также только для показухи, всё остальное время мы в обносках ходим. Воспитатели только наказывают нас. А вот самим воспитанием занимаемся мы сами.

Когда я только попала сюда, старшие в первый же вечер, вернее ночь, показали мне всю «прелесть» здешнего бытия. И в дальнейшем на мне разлетались палки в щепки. Кожа лопалась от хлыстов. Перелом ребра и трещина в ключице срослись сами по себе. Я узнала о них вот, уже когда медосмотр перед выпускном проходила. Флюорографист спросила, где я умудрилась сломать второе ребро, его, оказывается достаточно сложно повредить.

Я только отмахнулась.

Вопрос поставлен был неверно. Не где, а кто? Вот так было бы правильно.

Мне четырнадцать было, и я случайно узнала, что бабули не стало. Я плакала ночью в подушку, думала, тихо, но оказалось, что нет. Тогда Зинка Соломина надела кирзовые тя-

желенные сапоги, и...

В общем, с тех пор я не плакала. Долго не плакала. Боялась.

Только когда подросла, сама стала «воспитателем» и смогла втихаря сбегать из детдома, бродила по заброшенным строениям и давала волю чувствам. Правда, недолгий был тот период.

Заматерела я. Просто в какой-то момент поняла, никто меня не пожалеет и слёзы лить не к чему.

До нужной мне улицы добиралась почти два часа. Денег на маршрутку у меня не было. Пришлось ножками.

Впрочем, мне не привыкать!

Оглядевшись по сторонам, поняв, что никого рядом нет, решаю действовать. Просто чем дольше я настраиваюсь, тем страшнее мне становится, а так быстрее сделаю, быстрее побегу обратно в свою тёплую постельку.

На полусогнутых ногах подбираюсь к шикарному Геленд-вагену.

Вот это махина, конечно. Особенно учитывая мой рост...

Не смогла удержаться, заглядываю внутрь.

— Ни черта не видно! — сама себе говорю. — Нахрен наглухо всё тонировать?

Несколько раз встряхиваю баллончик и начинаю вырисовывать буквы.

Мне не особо приятно писать именно это слово. Нет, я сама, конечно же, выражаюсь довольно крепенько. Даже боль-

ше скажу. Люблю ругаться матом. Особенно когда мои подопечные косячат. На эмоциях выдаю настолько обширный словарный запас, что сама с себя херею. Но переход на личности, оскорбление вот такими вот словами — это даже для меня перебор.

Ну, да ладно!

Заказ исполнен. Я это сделала, и больше никаких азартных игр, а то мало ли что этим дебилам ещё в голову придёт. Вдруг почку захотят мою продать, а она у меня и так, считай, что одна.

— Вроде и не старалась, а красиво получилось! — снова вслух проговариваю и быстрым шагом сматываюсь, пока меня не засёк кто-нибудь.

— Ну ты красотка, Камилла. Я тебя зауважала, прям.

— В задницу засунь себе своё уважение! — произношу, но не вслух. Попутно, так же мысленно, одаряя Куркину парочкой грубых ругательств.

— Светка, ты чего в рань такую меня подняла? — широко зевая, потягиваюсь в постели.

— Да ладно тебе, потом выдыхнешься. Идём, отметим!

— Вот уж нет. Бухать, ещё и с утра пораньше?! Не пойду! — и снова повернувшись на бок, натягиваю на себя одеяло.

— Вставай, я тебе говорю! И пойдём выпьем. Штефан элиточку принёс. Мы такую ещё не жрали, — у Светки капец просто противный смех. Он дико раздражает мои барабанные перепонки. — Меньше месяца осталось, и мы разбе-

жимся, Милка. Ты что, обидеть меня хочешь?

— Не называй меня Милкой. Я тебе не корова! — как бы я ни старалась, а сон всё равно уже прошёл. — Ты чё, уже вмазала?

— А почему нет, если хочется? Вообще-то, я совершеннолетняя. Имею право.

— Я-хочу-спать! — по слогам произношу. — И я также на это имею право.

— Ты что, хочешь, чтобы с тобой как с Князевой в прошлый раз? — резко подрываюсь и хватаю наглую сучку за переданные крашенные патлы. Та вскрикивает, а затем шипит от боли.

— Только попробуй! Ты чё, думаешь, я забыла, как ты с Бабкиным трахалась? Видео я никуда не делала. Покажу Штефану, и ты без подручного останешься. Кто впрягаться за тебя будет, а? Ты одна — ничто без своих шавок. Так что сваливай! — резко отпускаю волосы, стряхивая с пальцев пару белоснежных волосков. Затем несильно, но достаточно ощутимо в плечо толкаю «подругу». — Вали, я спать хочу.

— Ты пожалеешь, сука!

— Вали, давай.

Ничего она мне не сделает. Светка знает, если решит сдать, пойдёт как соучастница. Она прекрасно знает об этом, поэтому молчать будет.

На завтрак прихожу одна из последних. Сверстников во-

обще никого. Странно...

Периферийным зрением замечаю, как, озираясь по сторонам, ко мне крадётся Костик. Один из моих воспитанников. В смысле из группы, за которую мы с Настей Булиной отвечаем.

— Камилла.

— Что тебе?

— Я тебе должен.

— Чего?

— Ну, ты же это... В прошлый раз перед воспеткой меня прикрыла.

— Говори, — спокойно произношу, но при этом настораживаюсь.

— Куркина, сука, против тебя воду мутит. Зафаршмачить тебя хочет. Настраивает старшиков против тебя. Они пока в отказ идут, но сама знаешь, эта курва давить умеет, да и у Штефана крышу рвёт от неё.

— Я в курсе!

Вот же... Надо было мне так несдержанно с ней! — мысленно ругаю себя.

— И это!

— Что ещё?

— Лучше воздержись от завтрака. Ты так-то последняя осталась, — понять намёк Костика несложно. — Я тебе в тумбочку сок свой поставил и две булки у поварих стащил.

— Спасибо, рыцарь мой. Вали теперь. И около меня не

вертеться. И остальным передай. А то спалитесь, и вам перепадёт.

— И это, — чешет затылок, — Мы в расчёте!

— Да я в должники вроде и не записывала тебя.

— В смысле? Это что, можно было не говорить тебе ничего?

— Чеши, давай! Петросян, — парнишка лыбится и быстро удирает. — Гавнюк мелкий! — себе уже поясняя.

На удивление у Куркиной не получилось настроить против меня остальных. Грехов за мной смертных нет, и с заданием я справилась. Но выбираться из своей берлоги мне всё равно было страшно.

На обед я пошла раньше всех. Хорошо, что смена Петровны была. Она, конечно же в курсе всего. Я имею в виду разговор. У нас такие новости разносятся быстро. У каждого взрослого свои «дятлы» имеются.

В общем, накормила она меня, и бутербродов с собой сунула, поэтому от ужина я тоже отказалась.

А в восемь за мной полиция уже приехала и сразу же в следственный изолятор меня отвезли, и все допросы начались уже тут!

3 Глава

— Дамир Алу-Багаутдин-Али? — нас тренировали выговаривать его полное имя и фамилию. — Вы главный спонсор нашего детдома. Блин... — хватаюсь за голову, и всё встаёт на свои места. Мне аж дурно становится. Он что, мент? Или нет? Зачем бы он спрашивал тогда разрешения поговорить со мной наедине?

— Всё верно! Я ваш спонсор, и ты спалила МОЮ машину. Так сказать, укусила руку кормящего.

— Да не палила я её...

— Палила! — сказал он так уверенно, что я сама засомневалась. — Я читал твоё дело, Камилла, — хмурюсь, не совсем пока понимаю этого мужика. — То, которое в детском доме находится. Удивительный, конечно, контраст!

— Вы о чём?

— О том, какая ты в быту, в жизни и на учёбе.

— Не понимаю! Какая я?

— Какая?! Ну, например, ты достаточно проблемная. Много хлопот доставляешь воспитателям. Капризная, импульсивная. Директор сказала, ты довольно неопрятная, но при этом все твои вещи в тумбочке и в шкафу аккуратно расставлены по местам.

— К чему вы мне всё это говорите?

— Смотри сюда! — мужик достаёт из кармана аккуратно

сложенный листок. Не уверена, но, кажется, это экспертиза. Он пальцем тычет в формулу: $R-CH=CH-R' + O_2 \rightarrow R-CH-CH-R' \rightarrow R-HCO + OCH-R'$.

— Глицерид пероксид, если не ошибаюсь.

— Не ошибаешься.

— Подождите. Запах йода! Когда я наносила краску, я чувствовала отчетливый запах йода и...

— Ты и вправду очень умная девочка. Мне, пока по полочкам не разложили, до меня не доходило.

— Машина была намазана...

— Совершенно верно. Автомобиль был подготовлен заранее.

— Получается, автомобиль загорелся сам по себе, и я тут ни при чём?

— Хм, — недобро усмехается мужчина. — Ещё как причём! Разумеется, у моего адвоката не стоит задача закрыть тебя любой ценой. Дело переквалифицируют с предумышленного на непредумышленное, но ты же понимаешь, что это всё равно срок, хотя и почти вполонину меньше.

— Но в чём моя вина? — спрашиваю не уверенным голосом, потому как догадка уже лезет в мою бестолковую голову. — Они не...

— А это и не они додумались! — мужик быстро понял ход моих мыслей. — Один из моих конкурентов решил таким образом припугнуть меня.

— Это же глупо!

— И недальновидно. Но самое обидное, девочка, в том, что сядешь одна только ты. Мой конкурент дал твоим друзьям из детского дома все инструкции, но исполнитель — ты, Камилла.

— О, боже, нет! — не хочу в это верить, закрываю лицо руками, едва не сползая под стол.

— Кто именно нанёс заранее окислитель на автомобиль, следствие не установило, да и не думаю, что они будут заморачиваться на этот счёт. С большей вероятностью всё на тебя повесят. В твоей тумбочке нашли баллончик краски, содержащий глицерид. Этого вполне достаточно для приговора.

— Но как в краске мог оказаться «СЗН5»...?

— И тут никто разбираться не будет. Думаю, по меньшей мере года три тебе светит.

— Или? — скрещиваю руки на груди, в упор смотря на мужчину.

— Ты нравишься мне всё больше и больше, Камилла!

— Ну? — Дамир снова усмехается.

— Допустим, я тебе верю! Верю, что ты не знала о том, что при помощи химических соединений ты спалишь мне автомобиль, — взгляд мужчины меняется, голос становится более твёрдым. — Но сделала это именно ты, девочка. И уж прости, но прощать тебе триста пятьдесят кусков зелени я не намерен.

— Сколько? — у меня аж голос сел.

— А ты думала, такая машина три копейки стоит?

— У меня нет таких денег, — отрицательно качаю головой.

Какое-то время Дамир молчит, о чём-то размышляет.

— Я отзову заявление, но при одном условии.

— При каком?

— Ты станешь подарком на день рождения одному очень хорошему человеку, — впиваюсь взглядом в мужчину, не верю собственным ушам. — Он любит миниатюрных девушек, но по мере своих потребностей вынужден довольствоваться «потными лошадьми», которые способны вынести его напор.

— Лошадьми... — выпучив в удивлении глаза, смотрю на вмиг замершего мужчину.

— Тьфу ты, господи! Какими лошадьми, Камилла? — Дамир скривился.

— Ну ты сам сказал... — неосознанно перехожу на ты.

— Женщин приходится подбирать крупных. А ты, как мне рассказали, девушка опытная и открыта к экспериментам. Хотя внешне совсем не похожа на блядь. Но это мне только на руку.

Закатив глаза, никак не комментирую бестолковую реплику мужчины. Я не похожа на блядь, потому что у меня не было того стада мужиков, про которое я всем вчёсывала.

Я сочиняла всё это, только чтобы ко мне не лезли. Когда наши пацаны нажираются в дрова, они разрешения ни у кого и не спрашивают.

И венерических заболеваний у меня тоже нет. Разумеет-

ся, подобное я про себя и не говорила, сплетни сами вокруг меня обросли. Я просто не стала отрицать это всё.

А у нас по-другому не выжить. Иногда лучше самой утопить себя в грязи, чтобы другие не сделали этого.

Почему-то язык чешется сказать Дамиру об этом всём, но разумеется я упрямо молчу.

— Ты предлагаешь мне стать чьей-то шлюхой?

— Сабой!

— Что?! — вскрикиваю я. — БДСМ? Да ни за что! — его усмешки уже бесить начинают.

— Ты думаешь, следовательно пошутил, говоря тебе о том, что навестит тебя этой ночью? — озноб проносится по моему телу. — Он попользует тебя раз или два. А потом тебя протестируют сначала все начальники колонии, затем и вертухаи до тебя доберутся. И правильно он сказал, — кивает на дверь. — Трахать тебя будут во все дыры. И бить будут. Вот только не мягкой плетью, а дубинами. И долбить тебя по-жесткому будет не один, а...

— Я поняла! — обрываю. Не хочу это всё слушать, и без того знаю, как это там происходит.

Как только мне исполнилось восемнадцать, я попросила свидание с Дариной, моей единственной подругой. Сразу мне отказали, мол, только родственникам можно. Но через несколько дней мне позвонили, сказали, я могу навестить.

Когда только переступила порог колонии, в которой сидит моя подруга, я сразу поняла, что и дня не выдержала бы в

подобном месте. А потом я Даринку увидела — в синяках и ссадинах. Она мне вкратце поведала о жизни, которую они ведут в стенах тюрьмы.

Нет, я не смогу так!

— Выбор за тобой, красавица!

На мгновение поднимаю взгляд и снова его опускаю. И там, и там мне будут причинять боль. Но тут хотя бы один он будет.

— Один он будет?

— Да, один! Он игрушками своими не делится, — ожи-
вился Дамир. — Но ты должна постараться, Камилла.

— В каком смысле?

— В том, что ты ему понравишься, у меня сомнений нет. Ты очень милая. Красивая девушка. Но этого мало. — Снова хмурюсь, чуть склоняю голову набок. — Видишь ли: Амон — очень влиятельный и недоверчивый человек. Сейчас я расскажу о твоих обязанностях и перспективах, а у тебя будет целая ночь, чтобы принять решение, — продолжаю буравить мужчину взглядом. Молчу. Жду. — Ты — послушная и исполнительная. Терпеливая и кроткая. Никаких истерик, капризов и никаких матерных слов, Камилла! — на последней фразе делает акцент. — Амон — человек занятой. Отстояла сессию и спокойно занимаешься своими делами. Плюс у него командировки частые, так что без продукту не будешь. К сожалению, не о всех его склонностях и предпочтениях я знаю. Но ни одной жалобы от его саб не поступа-

ло. Я думаю, максимум два, может, три месяца, и ты ему найдешь. Он отпустит тебя, и ты свободна.

— Зачем тебе это?

— Тебя это не касается! Ты помогаешь мне, я — тебе. Более того, после того как он вдоволь наиграется и отпустит тебя, независимо получу я от него то, что мне нужно, я дам тебе щедрое вознаграждение. Сделаешь ремонт в бабушкиной квартире и сможешь спокойно учиться на своём медицинском. Ты же с детства об этом мечтала, верно?! А после зоны тебе оно точно не светит. Впрочем это ты и без меня понимаешь.

Я молчу. То, что предлагает Дамир, мне совершенно не нравится, но там хоть и мнимая, но свобода.

— Я смогу обговорить с ним детали? Ну, чтобы он не делал со мною конкретных вещей.

— Например? — краснею. Да чёрт возьми, я — и краснею!

— Мы как-то смотрели видео с БДСМ, там мужик... — я невольно скривилась, и Дамир, кажется, понимает, к чему я клоню.

— Стоп! — мужчина жестом руки останавливает меня. — То, что показывают в порнороликах, — это сплошное дерьмо за гранью реальности. Нет, есть, конечно, чокнутые извращенцы, но в наши круги подобные личности не входят. Никто не будет заставлять тебя жрать дерьмо, — видно, что Дамиру так же, как и мне, до чёртиков неприятно обсуждать

этот аспект. Значит, действительно подобных извращений не будет. — Жёсткий секс, секс-игрушки, плётки, верёвки, наручники.

— Ты сказал два-три месяца, а как же я тогда поступать буду?

— У тебя будет на это время. Наверное.

— Наверное?

— До юбилея Амона нам нужно привести тебя в порядок. На это нужно время. Ты по крайней мере сможешь начать готовиться.

— В каком смысле — привести в порядок?

— Твоё тело должно быть совершенным. Усиленный курс массажа, спортзал, правильное питание, уход за кожей, походка, в конце концов. Ты со стороны вообще видела то, как ты ходишь?

— Нормально я хожу.

— Как гопник. Только яйца не чешешь.

— Я не...

— Также умение вести себя, — продолжает он, явно не желая что-либо мне доказывать. — Разговаривать культурно, без жаргона. В общем, много всего, и на это у нас с тобой не так много времени, — мужчина снова смотрит в упор. — Если всё затянется и ты не сможешь поступить в этом учебном году, я всё тебе компенсирую по выплатам. Плюс к тем деньгам, которые ты и так получишь, если сделаешь всё как нужно. И учёбу оплачу в полном размере, если не посту-

пишь на бюджет.

— Чешешь ты грамотно, конечно.

— Довольно, Камилла. Ты начинаешь меня раздражать! Я могу другую на эту роль найти. Более сговорчивую. Но это твой единственный шанс, и ты понимаешь это.

— Я согласна, — произношу сквозь зубы. Хотя он и сказал, что у меня есть ночь подумать, но боюсь, эта самая ночь может быть для меня слишком «весёлой». Этот Дамир вроде не похож на балабола. Даже если на бабки кинет, то я хотя бы свободу обрету.

— Хорошо! Завтра мой адвокат уладит все вопросы, и мы подпишем соглашение.

— Чего мы подпишем?

— Я должен быть уверен в том, что ты не соскочишь и не пойдёшь на попятную. Я теряю огромные бабки, девочка. Плюс ещё вложу в тебя немало зелени. В случае если ты что-то выкинешь, эти стены станут твоим родным домом.

Вот же урод!

4 Глава

Я не спала всю ночь. И не потому, что в одиночной камере, в которой меня закрыли, вместо кровати были нары с провонявшим ватным матрасом. Я боялась, что следователь исполнит обещание и придёт.

Не пришёл, и этому я была очень рада. А вот чему я не была рада, так это тому, что грёбанный Дамир меня не забрал отсюда, хотя обещал. Впрочем, он не забрал меня и на следующий день тоже.

Я не могла не только спать. Я кушать не могла. Я заставляла себя, но похлёбка, которую давали, была просто отвратительной.

В такие моменты понимаешь, насколько нас хорошо кормили в детском доме. Да склеенные макароны Болотовой, нашей основной поварихи, — это просто сказка. Деликатес, блин.

— Котова, на выход! — услышала я только на четвёртый день. Я настолько себя вымотала, что и не поняла сказанного с первого раза.

Уже после более настойчивого предложения я встала и поплелась к выходу. Совершенно ни на что не надеясь, я выхожу из камеры и, покорно сложив за спиной руки, иду вдоль коридора. За это время я окончательно убедилась в том, что тут я не выдержу. Не просто сломаюсь — умру.

И дело не только в том, что стены на меня давят! Нет. Этот запах, эта еда, которую я даже насильно не могу в себя впихнуть. Непрерывная тошнота выматывает меня...

— О-о! Я смотрю, ты тут на глазах расцветаешь.

— Иди к чёрту! — хочу сказать дерзко, но выходит так себе.

— Надеюсь, ты всё хорошенько обдумала и приняла верное решение. — я практически не слышу мужчину, слишком сильно истощена — Ну так что? Камилла, Камилла...

Чувствую резкий запах нашатырного спирта, и кто-то довольно ощутимо бьёт меня по щекам.

— Пришла в себя? — голос Дамира жёсткий.

Открываю глаза и практически сразу встречаюсь взглядом с мужчиной.

— Короче, давай без прелюдий, — мужчина отходит от меня, снова садится за стол, — Ты послушная, терпеливая и выносливая. Твоя задача — угождать и быть покорной.

— Что он со мной делать будет?

— Я ещё раз поговорил о тебе с твоими друзьями. Судя по тому, что ты сама о себе рассказывала, ничего сверхнеожиданного тебя не ждёт. — Дамир швыряет мне синюю папку. — Подписывай и пошли.

Немного дрожащими пальцами беру шариковую ручку, открываю документ и...

— Это нечестно!

— Что нечестно? Прочитай внимательно. Никто не приписывает тебе лишнего. То, что ты ничего не знала, не снимает с тебя ответственности. Да и докажи, попробуй. Все твои детдомовские друзья в голос кричат, что никто ни о чём не просил тебя! Ты всё сама.

— Да поняла я! — отвечаю практически своим обыденным голосом. Ставлю свою подпись, прекрасно понимая: другого пути нет.

— Поехали отсюда! Ты вон опять бледнеть начала. Неро-вен час, в обморок снова грохнешься. Выйдя за ворота, делаю глубокий вдох. Моросящий прохладный дождь несколько не смущает меня. Я стою под каплями дождя и пытаюсь впитать в себя каждое мгновение свободы. От перенапряжения и переизбытка эмоций по всему телу — ощутимая дрожь.

Дамир жестом показывает мне сесть в машину.

Не сопротивляюсь, боюсь, что он может передумать и зашвырнуть меня обратно туда, откуда я только что вышла.

В салоне витает запах хвои. Комфортные кожаные сиденья пахнут новизной.

— Чего усмехаешься? — задаёт вопрос Дамир, усаживаясь за руль белоснежного седана.

— Так чисто, что я боюсь твой салон испачкать.

— Да уж. От тебя ещё и ужасно пахнет!

— Ну, так...

— Давай я отвезу тебя в баню.

— Чего?.. — напрягаюсь мгновенно, и это не укрывается от мужчины. — Ты... ты же говорил, что только Амон, какой-то там.

Дамир начинает смеяться. Да так сильно, что прослезился.

— Ты в зеркало на себя смотрела?

— Нет! — ну, а где мне его взять?

Дамир откидывает солнцезащитный козырёк с моей стороны, на внутренней стороне которого прикреплено прямоугольное зеркало.

Я, наверное, впервые в своей жизни покраснела не от смущения, а от стыда. Я выгляжу сейчас хуже, чем Зинка с нашей помойки. Я имею в виду женщину без определённого места жительства, что часто ошивается около наших мусорных баков.

Оголяю зубы, чтобы как следует разглядеть весь пиздец, что со мной творится.

— К стоматологу мы записаны уже на завтра!

— А?

— Ты глуховата, что ли? ЛОР нужен?

— Отоларинголог не нужен! — скорее бурчу, чем говорю.

— Получается, ты был уверен, что я подпишу бумаги.

— Честно? — молча киваю. — Конечно, был уверен. Никому не хочется гнить в тюрьме. Всем нужна свобода, и неважно, какой ценой.

— У тебя акцент. Ты грек?

— Почему сразу грек?

— Не знаю, — пожимаю плечами. — Просто так решила.

— Я не грек, но в целом ты не промахнулась! Я почти десять лет прожил в Греции и ещё три года на Кипре.

— Ух ты! Ты жил на берегу Средиземного моря. Классно...

— Ничего классного. Жара невыносимая и сырость постоянная.

— Мм.

Какое-то время мы ехали молча. Каждый размышлял о своём. Я, например, думала о том, какой этот самый Амон.

Странно, но мыслей о том, чтобы отвертеться от того, что меня ожидает, даже не возникает. Наверное, потому что я ни при каких обстоятельствах не желаю возвращаться обратно в следственный изолятор.

5 Глава

— Мы приехали?

— Нет! Куплю тебе кое-что из одежды.

— Хорошо, — берусь за ручку двери, намереваясь выйти.

— Сиди! — говорит он с неприятной то ли претензией, то ли усмешкой. — Распугаешь всех.

Ну, кабздец. А я даже обидеться не могу.

— Эй... — возмущаюсь, пытаюсь откинуть наглую руку, что потрогала мою грудь, но не успеваю. Он сам уже её убрал.

— Как там у вас говорят? — Расслабь булки. Ты не в моём вкусе. Но уверенная «двоечка» — тоже неплохо. — Только хочу послать наглеца, но он снова, становясь серьёзным, спрашивает. — Объём талии какой?

— Талии не знаю. Бюстгальтер семьдесят Б.

— А, да?!

— Да! Клешни можно было и не распускать.

— Если не планируешь возвращаться, — кивком головы указывает в обратную сторону, — то забудь этот жаргон. Вообще вспоминай литературу и начинай учить философию. Амона иногда раздражает поговорить о чём-нибудь высоком.

Дамира не было не больше получаса. Вернулся он с тремя набитыми пакетами.

— Зачем так много?

— Я хер знает, чего тебе может понадобиться! За про-

кладками сама завтра сходишь.

— А мне выходить можно будет? — я даже на сиденье заёрзала.

— Сильно не обольщайся! На первом этаже есть аптека, туда сходишь. — Я заметно снижаю. Всё-таки тюрьма, только пока более комфортабельная. — Ладно! Посмотрим. Если будешь хорошо себя вести, буду во двор тебя отпускать. Высотка в парке, территория огорожена. Но учти, до первого замечания.

Примерно через минут тридцать мы въехали в небольшой район, где были исключительно двухэтажные многоквартирные дома пятидесятых годов.

— Только смотри не шоркайся сильно о скамейки. Отзывы вроде неплохие, но кто знает, — Дамир из пакета вынимает резиновый коврик. — Вот. Я в банном отделе купил.

— Ты сама забота! — даже улыбку выдавить из себя получается. — Может, ты женишься на мне? — спрашиваю невозмутимым тоном, при этом уже копаюсь в остальных пакетах, пытаюсь найти подходящие вещи.

— Помойся сначала. Потом, возможно, я подумаю над твоим предложением, — в голосе чётко слышен сарказм. — В парной обязательно попарься, чтобы запах, что в кожу и волосы впитался, полностью ушёл.

В момент, когда мы подъехали к элитным новостройкам,

где располагалась квартира Дамира, дождь полностью прекратился и выглянуло солнце. Мне очень хотелось немного пройтись, но мужчина за локоть потянул меня вперёд.

— Я думала, у таких крутых дядек, как ты, апартаменты покруче будут! — говорю после того, как прошла по небольшой, но на удивление уютной трёхкомнатной квартире. — Как минимум пентхаус.

— Нахрен он мне? У меня бизнес не так давно начал расширяться. В этом городе только планирую начать строительство филиалов. Твой будущий «господин» — делает акцент на этом слове, — не даёт пока этого сделать.

— Господин?

— К Амону, во время сессии, ты обращаешься исключительно «мой господин».

— Твой господин. Я поняла! — невозмутимо пожимаю плечами и хочу пройти вперёд, но жёсткий захват за предплечье заставляет остановиться и резко обернуться.

— Следи за своими словами, Камилла. Я тебе не друг! — вроде и не зло говорит едва ли не в самое лицо, но властный голос пробирает до костей. — У нас уговор, и ты на свободе, только пока ты послушная.

Практически отшвырнув меня, Дамир указывает на дверь одной из комнат. Покорно иду в заданном направлении.

Минуло уже три недели с того момента, как я попала в

лапы Дамира. Этот сукин сын меня вымотал по полной!

Подъём в шесть утра. — Да я в детском доме во столько не вставала! Умываюсь, плотный белковый завтрак и в спортзал. Этот чёрт меня там до измора держит. Попка, видите ли, немного не дотягивает. У меня должен быть упругий «орешек». Чем ему не угодила моя попа – не понимаю. Никогда не считала её плоской, и целлюлита нет. но бл.. не дотягиваю видите ли!

Я всегда мечтала попробовать спа-процедуры, но на сегодняшний день меня тошнит от всего этого.

Я так обрадовалась, когда Дамир сообщил, что записал меня на массаж. Думала, кайфану, — да хер там! У меня уже после первого сеанса антицеллюлитного массажа мышцы болели так, что я пошевелиться была не в состоянии.

Дамир только усмехнулся, мол, это ещё цветочки, и действительно...

Мы больше недели каждый день ездили к стоматологу. Кариеса у меня не нашли, но сказали, что воспалены дёсны и необходимо проколоть уколы. Как же это больно! Я думала, сдохну. Но стоит признать, итогом я осталась более чем довольна.

После профессиональной чистки, и небольшой обточки зубов, моя улыбка стала, как у голливудской звезды. Дамир сам налюбоваться не мог первый день. Всё просил меня улыбнуться.

Ещё мы были у гинеколога. Мне пришлось отдать пожи-

лой женщине-врачу бабушкины серьги с дорогими редкими камнями. По-другому она не соглашалась делать мне дефлорацию.

Ну, а что мне оставалось делать? Дамир уверен, что у меня есть опыт в сексуальном плане. Более того, он думает, что мне нравится жёсткий секс.

Знаю, что сама виновата.

Я намеренно рассказывала Валухе о своих якобы сексуальных отношениях со взрослыми мужиками, говорила, что мне нравится жёсткий секс и что я терпеть не могу презервативы.

Я знала, кому и что говорю по большому-большому секрету! Мне нужно было, чтобы она растрепала всем, кому можно и кому нельзя.

Таким образом на мой счёт у наших парней зарождалась зёрнышко сомнений.

Разумеется, я отпиралась, когда мне напрямую стали задавать вопросы. Мол, кого вы, эту сплетницу, слушаете. Но намеренно взгляд отводила и сбегала. Подогревала сомнения.

В конце концов своей цели таким образом я достигла. Меня боялись трогать. Боялись, что я всё-таки могла чем-то заразиться.

Я опасалась, что Дамир, узнав о том, что я девственница, вернёт меня обратно на зону. Накануне он сам мне сказал, что Амону подойдут только опытные девушки. Он не станет

возиться с целкой. Анал не в счёт. Тут даже хорошо, что я не опытна, — сказал он.

Дамир загрузил мне на компьютер много литературы по теме анального секса. Там немало советов и даже подробное видео о том, как научиться расслабляться во время нестандартного секса.

Не скажу, что я была особым противником каких-либо склонностей. Кому что нравится, и если оба партнёра не против, почему бы и нет.

Но это в теории хорошо рассуждать! А если задуматься серьёзно, то я ещё об обычном сексе не думала, что уж говорить о другом.

А ещё Дамир показал мне фотографию того самого Амона и... нет, не красавец! Но и уродом не назовёшь. Я думала, будет какой-нибудь коротконогий пузан с маленькими глазами, как у гиены, но на деле обычный, — ну ладно! Не совсем обычный, — но блин, — мужик.

Довольно представительный, высоченный как я поняла. В деловом костюме, который явно стоит космических просто денег. Суровый взгляд, мощный разворот плеч, я бы даже сказала, очень мощный. Видно, что этот самый Амон ходит в спортзал регулярно.

В общем и целом, мужчина вполне приятной внешности, и это не может не радовать.

— Камилла, завтра отвезу тебя в одно место, пройдёшь ускоренный курс по этикету, и походку твою ещё нужно

скорректировать. Ходишь всё-таки как мужланка.

— Я нормально хожу. Отвянь от меня. И вообще, нахрен... — громкий удар ладонью по столу. От испуга подпрыгиваю на месте.

Всё это время Дамир борется с моей нецензурной бранью.

— Не нужны мне курсы по походке, Дамир, — говорю спокойно, без эмоций. — И этикет мне не нужен. Амон ведь «любить» меня будет...

— М-гы... — мычит, отрицательно мотая головой. — Трахать он тебя будет. Жёстко и без гандона!

— В смысле без г... — Без презерватива?

— Да я шучу! Таких подробностей я про него не знаю.

Дамир поднимается из-за стола и убирает посуду в посудомоечную машину.

— Камилла, ты очень импульсивная. Старайся воздержаться и следи за своим языком.

— Да блин, у меня вылетает.

— «Да блин, у меня вылетает» — это рабочий день после твоего горохового супа.

— А я тебя есть не заставляла, — говорю вполне серьёзно. — У меня всё нормально после него.

— Камилла, я о том, что это не физиология. Просто следи за своей речью!

— В дверь звонят, и мы синхронно поворачиваем голову в сторону входа.

Дамир идёт открывать, я остаюсь сидеть на месте, недо-

умеая, кто это может быть.

Насколько я знаю, Дамир в наш город приехал недавно и пока не успел обзавестись друзьями. А что, если это тот самый Амон?

— Ты чё припёрся?

— Соскучился, дорогой!

— Да ладно!

— Фу, на хуй иди, Назар, — слышу ржач незнакомого мне мужчины. — Заебли твои шуточки, — а нет, не педик.

— Чего такой дёрганный? — Оп-па! — произносит он, как только переступает порог кухни.

— Знакомься, Назар, это Камилла.

— Блядь, Дамир, ты охренел?

— В смысле?

— Да Амон нахрен тебя пошлёт. Она же малолетка.

— Первое: прекращай материться, Камилла перевоспитывается у нас. Второе: она совершеннолетняя!

— Молодо выглядит. К тому же блондинка!

— И что, что блондинка?

— У Фахри преимущественно шатенки.

— Кстати, да! — Дамир смотрит на меня, большим и указательным пальцем потирая свой щетинистый подбородок. — С Зариной договоришься, на покраску её, — меня до зубного скрежета бесит, что они говорят в моём присутствии обо мне, словно меня тут нет. — Ты на сколько вообще приехал.

— Я всё переоформил! Джанос дальше сам справится.

— Отлично, Назар. Тогда завтра красotka на тебе, а я в клуб к Амону. Заодно почву прошупаю ещё немного.

— А я?

— А ты явно натрахался вдоволь. По-твоему... — наверное, Дамир хотел ругнуться ещё раз, но, посмотрев на меня, решил этого не делать. — По лицу твоему видно. А я уже месяц в няньках, — и снова кивает в мою сторону.

— Да ладно, и ни разу не присунул ей?

— Нет! Не в моём вкусе.

— Красивая она...

— Даже не думай, Назар.

— Я дурак по-твоему? Она же для дела нам нужна.

Последнее Назар говорил уже выходя вместе с Дамиром из кухни.

6 Глава

Последняя неделя далась мне особенно тяжело. Но нельзя не признать, что в целом этот месяц дал свои плоды.

Чёрт возьми, у меня просто потрясающее тело! Подтянутая попа, небольшая, но вполне себе красивая грудь, белоснежные зубы и упругая, гладкая кожа.

Я вчера ревела не только во время шугаринга, но ещё и после него. Боль адская, но, блин, я после него не могла вчера прекратить гладить себя.

Мне не только покрасили волосы в тёмный цвет, но и подстригли. Даже подумать не могла, что каре почти до плеч мне настолько пойдёт.

Выгляжу я теперь действительно взрослее, но мне даже очень нравится. Я такая — почти девочка с обложки!

— Ну, хватит любоваться на себя. Идём, поужинаем и отдыхать. Завтра довольно волнительный день...

Следующий день выдался и вправду волнительным, но только не для меня! Мне даже было в какой-то степени весело. Я не дёргалась вообще. Немного волновало разве что понимания того, что уже эту ночь я проведу с мужчиной, но я усердно старалась гнать от себя все эти мысли. Вот когда окажусь с ним наедине, тогда и буду переживать.

— Камилла, сейчас придёт мастер из салона. Нанесёт тебе макияж.

— Назар, зачем? — неожиданно возмутился Дамир. — Ты же знаешь, Амон терпеть не может размалёванных кукол.

— Никто не будет делать ей яркий макияж. Совсем немного выровнять тон кожи и подчеркнуть глаза. Зарина сказала, что она в костюме без косметики потеряется совсем.

— Костюм? Вы же платье мне купили.

— Планы изменились, детка! — мне сейчас совсем не нравится хищная улыбка Назара. — Мы не идём на официальную часть. Дамира пригласили на празднование дня рождения в узком кругу.

— И?

— И ты пойдёшь вот в этом! — вылупив глаза, смотрю на Дамира, ноги подкашиваются, не выдерживаю, опускаюсь на стул, — Ну, ну. От счастья голову не теряют!

— Издеваешься? Дамир, давай вон то платье. — Указываю на ультракороткий кусок тряпки, что аккуратно висит на спинке стула.

— Ты вчера визжала, что оно слишком короткое.

— Ну, так всё познаётся в сравнении. Дамир, я не смогу...

— Тебя никто не спрашивает! — сказал он настолько грубым голосом, что я от испуга вжимаю голову в плечи.

— Дамир, обороты сбавь. Сейчас запугаешь её, она всё нам испортит.

— Я ей испорчу!

Как бы я теперь ни старалась, но успокоиться не могла. Не совсем уверена, но, по-моему, Дамир пожалел о своём

ГНЕВНОМ ВЫПАДЕ.

Мы въехали на подземную парковку закрытого клуба, где и продолжается день рождения, но только для своих.

— Прекрати трястись. Я же даже извинился!

— Это так не работает!

— Надо же, какие мы нежные.

— Есть такое.

— Камилла! — едва не скрипит зубами Дамир, потому что я, обводя взглядом территорию парковки, снова задрожала.

— Стараюсь я успокоиться. У меня не получается!

— Водички попей.

— Я скоро обосс... — Описуюсь от твоей водички.

— Камилла, я прошу тебя, внимательней следи за языком, — уже в сотый раз за сегодняшний день напоминает он мне.

— Полезай в коробку, мы и так опаздываем.

— Ты точно не уронишь меня? Я тяжёлая!

— Бараний вес. Полезай, давай.

По мне, задумка Дамира — полная чушь. Я должна выпрыгнуть из огромной коробки и предстать перед именинником во всей своей красе.

А красота-то действительно «неописуемая»!

На мне крошечный бюстгальтер, прозрачные трусики, чулки в крупную сетку и по всему телу кожаные ремешки.

На ногах кэблы. Да, именно кэблы. Высокая платформа и огромная шпилька. Я не умею на них ходить, но Дамиру общий образ понравился, на остальное ему плевать.

Вцелом, о том что на столь высоких каблуках ходить я не умею, сказать постеснялась. Возможно очень даже зря.

Я делаю так, как мне велят. Залезаю в коробку и внимательно наблюдаю за тем, как Дамир закрывает крышку из плотного картона.

Он берётся за боковые ручки и поднимает меня.

— Мама...

— Не бойся, я не уроню, — говорит мужчина негромко, но в коробке мне всё равно хорошо слышно.

— Я больше за дно переживаю. Оно заметно прогнулось. Я не вывалюсь?

— Не должна! В характеристиках было написано — до пятидесяти килограмм.

Дамир заносит меня в лифт и, судя по звуку, нажимает кнопку нужного этажа.

— Дамир... — мой голос утопает в собственной панике.

— Всё! Ни звука, Камилла.

Двери лифта открываются, и вместе с этим звуком паника становится совсем нестерпимой.

Делаю несколько глубоких вдохов, после чего, прикрыв глаза, пытаюсь выровнять дыхание.

— Добрый день, Дамир Алу-Багаудин.

Очевидно нас встречает работник заведения.

— Добрый вечер!

— Для габаритных подарков у нас предусмотрены специальные тележки.

— Даже не знаю! Подарок очень ценный, — несколько секунд молчания. Наверное, думал. — А давайте. Подарок так же и тяжёлый, если выпадет в ноги имениннику, эффект будет совсем не тот.

Примерно минуты две я слушаю приглушённую возню, после чего меня приподнимают и практически сразу опускают.

— Отлично, спасибо! Подскажите, в какой стороне у вас уборная. — наверное, Дамиру молча показали направление, потому что единственное, что я услышала: — Пару минут приглядите за подарком.

— Да, конечно.

7 глава

Амон

Сегодня Фахри Амон-Хали праздновал своё тридцатитрёхлетие.

В столь молодом возрасте он уже имел всё, о чём только мог когда-то мечтать.

Он уже не столь часто вспоминал своё голодное детство. То, как с родителями жил в старом фургоне и как собирал мусор вокруг туристических кафе и магазинов, чтобы хоть как-то прокормиться.

Мать Амона-Хали умерла от тифа, когда ему было четырнадцать. Отец его был простым рыбаком, зарабатывал настолько крохотные суммы, что на нормальную еду то не хватало, что уж говорить об одежде и прочих необходимых вещах.

Фахри Хали-Одир, — отец Амона, вскоре ушёл вслед за своей супругой. Утонул в море, пытаясь поднять сети с уловом.

По отцу Амон не скучал так, как по матери. Какое-то время был в депрессии, из которой вытаскивал себя сам.

Сложно представить, но совсем ещё юный мальчишка пятнадцати лет вдруг решил, что не будет жить так, как жили его родители. Он сделает всё, только бы выбраться из той дыры.

Уже тогда, в том ещё юном возрасте, Фахри понимал, — невозможно зарабатывать большие деньги честным трудом.

Амон подбил двух своих приятелей заняться нелегальной добычей драгоценных камней.

Ещё ребёнком он облазил все близлежащие горные пещеры и знал, где можно «отрыть» настоящий клад.

Фахри сам ещё тогда до конца не верил, — но у них получилось.

Амону не вскружили голову большие деньги. Но и останавливаться он не желал. Продолжал монотонно добиваться собственных целей.

Даже после того, как угодил за решетку, желание иметь что-то гораздо большее в нём только усилилось!

Два с половиной года тюремного заключения закалили его и без того стальной характер. И сидеть бы ему ещё долгих пятнадцать лет, но Амону помог выбраться из тюрьмы старый полицейский, что по какой-то причине задержался на своей службе дольше положенного.

К моменту, когда Амон полностью поднял свой бизнес, старик умер, но Фахри не оставил его семью. Всегда жившая в среднем достатке семья старого полицейского теперь купалась в роскоши. Его семья стала семьёй Амона.

Жизнь научила Амона-Хали не доверять людям, особенно в бизнесе.

Слишком много предательств было.

Первыми его предали как раз те, кто начинал с ним зара-

батывать большие деньги.

Получить нож в спину от друга было больно, но в то же время Амон знал, — рано или поздно это должно было случиться.

Интуиция! Невероятная чуйка...

Фахри всегда знал, где стоит остановиться, а где, напротив, нужно рискнуть.

Сейчас же Амон-Хали выбирал друзей с особой придирчивостью и осторожностью. Друзей было не так много, но в каждом он был на сегодняшний день уверен.

Дамир Алу-Багаутдин-Али. Он возник практически из ниоткуда. Прицепился как клещ!

У Амона никак не получалось прощупать его. В двадцать семь лет у Амона уже была целая империя, а этот парень только начал стремиться к верхам.

Безусловно, Фахри понимал, что сейчас именно он является для Дамира главным препятствием. Именно Амон пока не давал зелёный свет развитию бизнеса Багаутдина-Али.

Не то чтобы Амон подозревал Дамира в чём-то, — вовсе нет! Скорее он сомневался в его ответственности. Слишком просто и легко Дамир ко всему относится. Ветренный, недалёкий.

Фахри прекрасно знал о том, что у Багаутдина была не столь сложная жизнь... Знал, что на старт бизнеса деньги Дамиру давали родители. Возможно, именно это вызывало недоверие.

Пришёл на всё готовое, не заработал сам, — но опять же мужчина понимал: «У Дамира был только стартовый капитал, остального он всё же сам добился»!

Амон пригласил Дамира на свой праздник скорее из-за схожих интересов.

Фахри совершенно спонтанно решил отпраздновать день рождения в своём же клубе. Также неожиданно для себя он включил Алу-Багаутдина в узкий список приглашённых.

— Амон! — мужчина обернулся, посмотрел на только что прибывшего Дамира.

— Дамир! — улыбнулся гостю. — Рад, что нашёл время прийти.

Разумеется, сказанное было жестом вежливости и не более. На самом деле Фахри бы даже не заметил его отсутствия.

— Как я мог не прийти, когда приглашает такой большой человек. — Лести Фахри также не приемлет, но и понимает: Дамиру нужно что-то ответить... — Позволь преподнести тебе скромный подарок.

Дамир делает шаг назад, становится вполоборота и вместе с Амоном наблюдает за тем, как один из официантов катит на низкой тележке большую коробку.

— Ты решил переплюнуть всех разом? — В голосе Фахри прорезаются недовольные нотки. Разумеется, первое, о чём подумал Амон: «Багаутдин решил выделиться, только чтобы расположить его к себе». Нехорошо!

С идиотской улыбкой на лице Дамир поднимает крышку

и смотрит при этом прямо на Амона.

Именинник, одарив гостя равнодушным взглядом, делает шаг вперёд и заглядывает в коробку.

— Что ж, оригинально! — усмехается мужчина. — Действительно удивил, Дамир!

На лице Багаутдина на мгновение мелькает растерянность, и теперь он сам смотрит в совершенно пустую упаковку.

Фахри прочёл ругательства по губам Дамира и, когда тот бодрым шагом двинулся в сторону выхода, пошёл вслед за ним. Просто стало любопытно, что же там могло быть такого ценного, что посмели умыкнуть прямо из-под носа именинника?!

8 Глава

Камилла

В какой-то момент я всё-таки не смогла справиться с паникой и как только услышала тишину, аккуратно приподняла крышку и осмотрелась вокруг.

Дамир отошёл в уборную, а хоспис отвлёкся на гостью, что вышла из зала и о чём-то спрашивала молодого человека.

Всего пара секунд, и я сама не поняла, как выпрыгнула из коробки. Мысль сбежать отмела мгновенно. Во-первых, — в подобном наряде далеко не убежишь, во-вторых, — адрес бабушкиной квартиры наверняка известен Дамиру, да и ключей у меня нет, как и документов.

У стены размещена большая тумба, на которой, стоит огромный горшок с экзотическим цветком. Именно за эту тумбочку, усевшись на пол, и прижав к груди колени, я и спряталась. В аккурат поместилась в узком проёме между угловатым торцом тумбы и стеной.

Всего пара минут спокойствия, и я смогла совладать с собой, — кажется!

Просто в зале очень много народу...

Я успела заметить! Выбираясь наружу, бросила взгляд в сторону широкой арки, что вела в общий зал. Я не представляю, как бы я смогла “Эффектно” встать в полный рост, широко улыбаясь имениннику, — а именно так по мнению Да-

мира должен был выглядеть мой выход.

Сколько бы я себя не уговаривала, я так и не решилась выйти из своего укрытия. Сидела тихо-тихо, — как мышка.

Буквально через минут десять я услышала шаги. Точно знала, — это Дамир. И сейчас он меня придушит...

— Ты охренела, Камилла? — мужчина без ошибочно, кажется что с ходу нашёл место, где я спряталась.

— Я это! — невинными глазами смотрю снизу вверх на склонившегося надо мной Дамира. — Что-то, как-то это... — ссу... — сглатываю вязкую слюну, — Испугалась я.

— Вылезай отсюда! — угрожающе рычит сквозь зубы.

— З-зачем? — пишу я. Нижняя губа начинает трястись помимо моей воли, потому как вижу, насколько сильно зол Дамир.

— Отвезу туда, откуда взял! — что-то мне подсказывает, он сейчас не блефует.

— Не нужно. П-пожалуйста. Я просто испугалась и...

— Не вздумай мне тут разревется! — зло опять с рыком произносит наклонившись ещё ниже.

— Если бы на меня так рычали, я бы тоже расплакался! — я вся подбираюсь и слёзы, что только-только выступили, мгновенно просыхают. — Это мой подарочек?

Мощная фигура высокого мужчины останавливается напротив. Совсем немного склонив голову набок, он подробно изучает меня.

— Да. Немного трусливый правда, но при этом довольно

любопытный!

Я, прекрасно понимая на что намекает Дамир, говоря о моём “любопытстве”.

Амон подаёт мне руку, для того чтобы я встала на ноги, но я залипла на его лице.

Несмотря на то, что мужчина, кажется, мне улыбается, черты его лица говорят о его суровом нраве. Глаза его чёрные, словно два уголька. Короткие, но довольно густые чёрные ресницы, немного широкий нос с горбинкой и волевой подбородок покрыт густой, чуть длинноватой щетиной.

В этом мужчине совершенно точно что-то есть, ведь стоит ему только незначительно изменить выражение своего лица, как я тут же отмираю.

Наконец переключаюсь и уже смотрю на широкую ладонь мужчины, вкладываю в неё свою.

Я даже не заметила до какой степени была напряжена всё это время. Ноги онемели, да ещё и ходули эти дурацкие. Меня ощутимо повело в сторону и, если бы не мгновенная реакция Амона, я бы точно свалилась на пол.

— Аккуратнее, Кнопка!

— С-пасибо. — чуть заикаясь, мямлю едва слышно.

— Ты так дрожишь, – Амон не выпустил мою ладошку из своей лапы. — Ты точно тут по своей воле?

О! А если я ему сейчас скажу, что нет, он отпустит меня? Скорее всего отпустит и, вернёт Дамиру, а он меня в свою очередь обратно в следственный изолятор. Или сразу на зо-

ну? — Нет уж.

— К-конечно я по сво-ей воле.

— Ты чего заикаешься? — негромко спрашивает Дамир. Резко поворачиваю голову влево. На мгновение забываю про Амона и дерзко, хотя и не громко отвечаю Багаутдину.

— Писать хочу!

Затем снова поворачиваюсь в сторону сурового мужчины и пытаюсь ему улыбнуться.

— Занятный подарок, Дамир, — произносит Амон при этом рукой показывает направления в сторону уборных.

Только делаю шаг, как...

— Ой! — два шага назад, прячусь за мощной фигурой Амона.

— Что такое?

— Народу там много, — действительно только что в сторону дамских комнат прошло несколько девушек. — А я не совсем одета.

— Как бы и они не совсем одеты! — твёрдо чеканит Дамир, с трудом скрывая своё раздражение.

Действительно все четыре девушки в таких же откровенных нарядах, и мужчин много в коже расхаживают по залу.

Их прекрасно видно, всё через ту же широкую арку.

Амон снимает свой дорожный пиджак и накидывает его на мои худенькие плечи.

Приятный парфюм наполняет мои лёгкие. Тепло что осталось на пиджаке невесомо окутывает всё моё тело.

Невероятно, этот пиджак доходит мне почти до колен и, закутаться я в него могу раза в три не меньше. Этот самый Амон, — он просто огромный! Искренне, надеюсь, что внушительный бугор, который в данный момент топорщится в его штанишках, ни что иное, как моё больное воображение.

Скорее на автомате делаю сдержанный реверанс и резко развернувшись иду в сторону дамской комнаты. Писать правда очень хочется!

— Чувствую будет очень интересно...

Последнее, что слышу, скрываясь за поворотом.

Когда я вернулась то мужчин уже в холле не было, вместо них стоял коренастый мужчина. Он точно ждал именно меня.

— Камилла Аркадьевна, пройдёте со мной.

— Куда? — спрашиваю немного настороженно.

— Я отвезу вас домой к Амону-Хали.

— А вы?..

— Я его поверенный, не волнуйтесь, вам ничего не угрожает.

— Маньяки тоже так говорят, когда жертву заманивают в лифт.

— У вас был опыт?

— В смысле?

— Ну, вы сказали маньяки заманивают...

— А, — отмахиваюсь, — У меня по основам безопасности высокий бал. — Ну, ладно, на самом деле вы не очень похож

на человека, который способен причинить вред.

— Да, я очень добрый, — мужчина улыбнулся и несмотря на то, что его голос прозвучал ровно, всё равно мне показалось, — это был сарказм!

Ничего удивительного. У огромного мужчины, достаточно габаритный автомобиль. По мне так тут вообще, жить можно.

Мы выезжаем на главную дорогу одной из центральных улиц. Какое-то время я молчала, просто смотрела в окно. Но с каждой минутой волнение нарастало и в конце концов я не выдержала.

— Как вас зовут?

— Вас это не касается, — мужчина сказал совершенно спокойным тоном, но где моё место я тут же осознала.

Это меня задело. Не знаю почему, обычно реагирую на подобное... — да вообще не реагирую, потому что плевать, а тут...

Наверное, потому что он прекрасно понимает для чего меня везут.

— Квартира Амона на окраине города?

Мой голос больше не столь бодрый, но и не жалкий. Просто запал себя взбадривать весь пропал.

— Для вас он не Амон! Не советую к нему так обращаться.

— А кто он? — хотя я и так уже поняла.

— Хозяин! Хотя, судя по тому, что вас приказано доста-

вить в загородный дом, думаю вам позволено будет обращаться к нему, Господин. Амоном, господина Фахри могут называть его друзья и партнёры по бизнесу. Но точно не вы!

— Так для вас он тоже «Господин»? — мужчина усмехается.

— Тут немного иное. Я работаю на Амона-Хали почти десять лет. Ещё живя в Греции, он принял меня к себе на службу. В Европе принято говорить — господин!

Кривлю за спиной мужчины лицо, и скрестив руки на груди на протяжении всего остатка пути, я не произношу ни слова.

9 Глава

Меня привезли в большой двухэтажный коттедж, что располагался в элитном посёлке, вся территория которого была огорожена высоким забором.

Красота просто неопиcуемая. По сути, весь посёлок стоит посреди бора. У меня почти сразу от свежего воздуха закружилась голова.

Я даже немного пошатнулась, когда сделала шаг по каменной дорожке.

— Всё нормально?

— Да, мистер, Вас это не касается, — говорю пристально разглядывая дом. — У меня всё прекрасно

Ну, а что? Я даже не знаю, кем он работает у Амона. Кто он, шофёр или охранник?

Мне приятнее думать, что он не более чем «обычная кухарка, что в начальство рвётся».

Будет мне ещё указывать, как мне вести себя. Может, со стороны я сейчас выгляжу надменной сукой, но не я же первая это начала!

Шофёр провёл меня в дом и, не дав возможности осмотреться, ухватив меня за локоть, бодрым шагом повёл через просторный холл.

Пройдя совсем немного по узкому коридору, мы остановились у первой двери. Я почему-то подумала, что это туалет

или ванная комната... но оказалось, это обычная спальня.

Комната очень маленькая. Почти каморка. Тут стоит однопальная, аккуратно застеленная кровать, тумба — похожая на больничную тумбочку, но, наверное, гораздо дороже. Она полностью выполнена из дерева. Угловой шкаф, в который, как мне кажется, не вместится даже мой нищенский гардероб. Ну и вишенка на торте — это окно! Небольшое, с короткими занавесками.

— Я тут одна буду жить?

— Ну, разумеется!

— Здорово! — искренне улыбаюсь. — Мне нравится!

— Я рад за тебя, — очевидно, мужчина решил больше со мной не церемониться. Его ответная улыбка пропитана сарказмом. — Душ, — пальцем показывает, — прямо по коридору, вторая дверь справа. Полотенце найдёшь в шкафу. Халат там же. Туалет сразу за...

— Я поняла!

Хочется добавить «спасибо» — в конце концов, я же хорошая и воспитанная девочка, — но обойдётся!

В целом, я не соврала, комната действительно неплохая. Её просто нужно обжить, и будет вполне сносно. Никто же не виноват, что я себе нафантазировала, мол, богатый дядя, а значит, всё как в фильме, и мне непременно предоставят царские апартаменты.

Времени не теряю. Хочу поскорее сменить наряд и смыть с себя запах клуба.

В ванной комнате самая простая душевая кабина и кусковое мыло, но довольно ароматное.

Щедро намыливаю всё тело и, выключив воду, стою так несколько минут. Мне нравится, когда можно нанести на тело так много пены.

В нашем детском доме всё общее, даже мыльно-рыльные принадлежности. Меня всегда это жутко бесило, потому что нередко приходилось мыться просто водой. То вовремя хозяйник мыло не выдаст, то кто-нибудь из девок его потеряет.

В шкафчике помимо полотенец нахожу фен. Сушу им волосы и имеющейся деревянной расчёской, что так же лежит в ящике, пытаюсь хоть как-то уложить их.

Я даже не поняла, как уснула. Вернувшись в выделенную мне комнату, легла на кровать и всего на секундочку прикрыла глаза.

За окном темень. Сейчас глубокая ночь, и я понять не могу, что произошло? Меня словно невидимая сила выбросила из забвения. Я всматриваюсь в темноту и вижу огромную тень. Силуэт мужчины.

Испугаться не успеваю. Загорается яркий свет, который ослепляет меня. Я морщусь, прикрываю глаза рукой, чтобы хотя бы немного унять боль, режущую глаза.

— Извини, не утерпел, — сейчас мужчина мне не кажется столь же добродушным, как несколькими часами ранее. — Даже собственный праздник покинул раньше времени, пред-

ставляешь?

— Вам, возможно, скучно там было, — говорю первую глупость, пришедшую мне в голову. Мужчину это только позабавило.

— Ну, может быть. Идём! — строго.

— Куда? Ночь на дворе.

— Ты много говоришь, Кнопка.

Больше Амон не сказал ни слова, развернулся и вышел из комнаты. Тут надо быть крупным идиотом, чтобы не понять — нужно следовать за ним.

Не знаю, что мужчина задумал, но идёт он по широкому и довольно длинному коридору куда-то вправо, значит, ведёт не на улицу — уже хорошо!

— Проходи, — и снова сказано довольно строго. Хотя допускаю, у мужчины такая манера говорить, думаю мне просто нужно к нему привыкнуть, тогда я внутренне перестану содрогаться.

Борясь с собой, делаю шаг вперёд, переступая порог. В просторной комнате загорается мягкий свет.

Вот же...

Я надеялась, что смогу ещё хотя бы немного отсрочить неизбежное, но похоже, что мужчине невтерпёж.

Волнение очень быстро перерастает в страх. Пытаюсь взять себя в руки, но с каждым шагом паника только нарастает.

Кнуты, верёвки, широкие и не очень ленты. Всё это висит

на тёмно-серой с красными полосами стене.

В углу на деревянном приспособлении висят стеки. Их так много, и они мало чем друг от друга отличаются, хотя... а также чуть в стороне аккуратно развешаны наручники. Их чуть больше, но они по крайней мере отличаются гораздо разительней. Кожаные разной ширины, с цепочками, с шипами, простые металлические и ещё какие-то, вроде как из грубой ткани. Почему-то кажется, подобные должны натирать запястья, действовать по принципу наждачки. Но в последнем не уверена.

Делаю ещё шаг вглубь комнаты, замираю. Зачем так много всего? Справа на крючках ещё наручники с опушкой и просто ремешки на короткой цепочке, а у противоположной стены — наручники на распорках, их тоже несколько видов.

Зажимы для сосков, плети, розги, хлысты, кляпы, маски, повязки на глаза и много других штук, о которых я не знаю. Впрочем, ничего удивительного. Как я и думала, Дамир давал мне ограниченную информацию.

В шкафчиках, что так же стоят у стен, наверняка так же много чего интересного, я уверена! Но пока, что именно там лежит, я знать не хочу!

— У меня две таких комнаты, — поясняет мужчина, беря в руки шёлковую повязку. — Вторую я пока показывать тебе не буду. Дамир сказал, что ты только в теории интересовалась темой.

— Д-а. — Голос немного дрогнул.

— Не

волнуйся, Кнопка. БДСМ — это далеко не всегда боль. Я покажу тебе, девочка. Раздевайся.

10 глава

Подрагивающими пальцами не смело берусь за поясок халата. Стараюсь дышать ровно, чтобы внутренняя паника, которая рвётся наружу, внезапно не переросла в истерику. Весь прошедший месяц я только и делала что пыталась морально подготовиться к тому что сейчас произойдёт точка Мне казалось я справилась и готова но сейчас понимаю, что убедила себя в этом только и всего.

Наверное поэтому я не медлю. Не даю себе время для трезвых мыслей, быстро раздеваюсь и смотрю по сторонам, ищу место куда бы повесить халат.

Дамир меня инструктировал по многим моментам. Один из, — я не должна стесняться и, если на мне минимум одежды, сняв её, я должна оставить вещи прямо на полу. — Вот ага, сейчас!

Вообще-то на данный момент у меня даже трусов нет. Я сейчас халат на пол, а потом на себя? Ну уж нет!

Что касается наготы... Да пофиг, пускай смотрит. Тем более у меня есть на что, — пусть дяденька полюбуется.

Замечаю один из свободных крючков, очевидно не хватает чего-то. Но мне это только на руку, потому что ничего более подходящего я не вижу.

Хотя я и не смотрю на Амона прямым взглядом, но всё равно чувствую, насколько он обескуражен.

— Ты очень красивая, Камилла! — произносит примерно после минуты полного молчания.

— Спасибо.

Я всё же осмеливаюсь поднять взгляд на мужчину.

— Подойди. — это приказ, но чувствуется, что сдержанный приказ.

Ладно, может действительно не всё так плохо. Раз он старается говорить со мной спокойнее, то думаю с ходу порку устраивать мне не будет!

Посмотрим...

Последний глубокий вдох и вот я отметаю оставшиеся сомнения. Амон не должен видеть моего страха. Я уже поняла, он не маньяк и резать меня на лоскуты он не будет. Делаю шаг к мужчине.

— Всё хорошо! — берёт мою руку в свою и ведёт к вытянутому, не то столу, не то кушетке — Ты боишься?

— Нет. Очень волнуюсь, но не боюсь, — говорю правду.

Действительно я не боюсь. Мне удалось совладать с собою. Сейчас моё тело подрагивает лишь от волнения.

— Ложись.

— На живот?

— Да, Камилла, пока на живот.

Делаю как мне велели. Вообще я очень люблю лежать именно на животе и сплю я почти всегда кверху попой.

Не могу сказать что быть обнажённой перед незнакомым мне мужчиной просто. Но я из-за тех сил стараюсь не акцен-

тировать на этом внимание

— У нас сейчас будет сессия?

— Нет, Кнопка, — произносит с усмешкой, своей огромной ручищей аккуратно касаясь моего запястья. — Сейчас мы с тобой будем ближе знакомиться.

Рефлекторно отдёргиваю руку, но заметив остроту во взгляде мужчины, пугаюсь и тут же меняю своё решение, осторожно тяну ладонь вперёд

— Наручники? — мой голос немного дрожит когда я замечаю.

— В первую очередь мы должны научиться доверять друг другу.

Амон снова берёт мою руку и застёгивает на запястье кожаный ремешок, цепочка которого закреплена на углу стола. Со второй рукой проделывает то же самое.

— Расскажи о себе. Как ты оказалась в детском доме, ты из неблагополучной семьи?

— Почему сразу из неблагополучной? Мои родители погибли. Сначала папа. Потом мама. Мама болела.

О том, что что мама без папы жить не могла конечно я не рассказываю. Бабушка рассказывала мама после гибели папы в себя ушла. Они слишком сильно любили друг друга, и даже я не смогла выдернуть её из того состояния.

В итоге у мамы развилась опухоль мозга. Достаточно агрессивная. Мама ушла вслед за папой меньше чем через полгода.

— Меня воспитывала бабушка с пяти лет... — резко замолкаю, потому что чувствую, как моей спины касается что-то мягкое.

Амон не спеша ведет флоггером вдоль моего позвоночника.

— Продолжай, — голос не строгий, но звучит как приказ.

— Она очень переживала смерть папы... — тело покрывается мурашками. Приятные, немного щекочущие ощущения сбивают с мысли. Мозг словно в желе превращался. Наверное поэтому я начинаю более подробно излагать. — Бабушка болела. Денег едва хватало на еду и лекарства. Я стала пропускать школу потому что у меня не было зимней одежды.

Ощущения меняются. По позвоночнику едва ощутимо проходит разряд тока и пальцы на ногах рефлекторно сжимаются.

Амон сдерживается, это чувствуется, и даёт мне определённые надежды. Не могу сказать, что я боюсь боли. Не после кирзовых сапог, не после взбучек палками. Сломанных рёбер и дохрена пережитых гематом. Но всё же чувствовать это снова мне не хочется.

— Бабуля у меня была довольно характерная женщина, — продолжаю я, уже скорее для того, чтобы снова себя отвлечь. — Она с соседкой повздорила, а та в отместку ей опеку вызвала. Зинаида Фёдоровна знала, что за два дня до пенсии мы растягиваем пропитание..., — ждём выплату! Ну в общем

меня забрали у бабушки и определили в детский дом. Она одна совсем осталась и бабушки уже очень скоро не стало.

— А другие родственники?

— А другие родственники обиделись.

— Поясни!

— Я с родителями жила в посёлке за городом. У нас хоть и село, но довольно перспективное. После смерти родителей дом наш захотела себе моя тётя. Бабушка позволила, но с условием что тётъ Таня там пропишутся. Из квартиры бабушки ей само собой пришлось выписаться. Тятя моя хорошая женщина, но все её родственники заканчиваются на её детях и муже. Остальные так...

Легкий, почти невесомый шлепок заставляет отвлечься. Очередной рой мурашек проносится по спине и рукам.

— Если урезать все подробности. Бабушка переписала на меня свою квартиру ещё когда я маленькая была. Даже у неё самой прав не было на жильё. Только прописка, без права собственности, — новый шлепок, и я не уверена стоит ли продолжать?! Замолкаю и снова шлепок, как-то понимаю, что этим хлёстким, уже более ощутимым ударом он велит мне рассказывать дальше.

— Тётка узнала об этом только когда пришло время. Полетела оформлять наследства, а ей только небольшая дача в пригороде осталась. Тётя Таня прибежала тогда в детский дом. Она такой скандал мне устроила просто жуть, — усмехаюсь. — Я думала она в волосы мне вцепится. Так орала...

— Так что не было у меня других родственников.

— Твоя бабушка молодец. Предусмотрела всё и обезопасила тебя.

— Да, она очень дальновидной была. Всегда просчитывала всё на несколько шагов вперёд. Она говори... — Ауч! — по правой полупопице меня ударили ни черта не флоггером.

— Много болтаешь!

— Сами просили, — кажется, мужчина усмехается.

— Больно?

— Да вроде уже нет. Сначала больно, но теперь печёт немного и покалывает место удара.

— Хорошо.

— Плохо!

— Что плохо? — не понимает мужчина.

— Можно мне в уборную? — ну что я могу сделать, если у меня такая физиология. Проснулась — нужно пописать.

— Не желательно бы.

— Ну смотрите...

— Камилла! — по голосу не понятно эта ситуация его позабавила сейчас, или наоборот рассердила?

Амон растегнул ремешки на моих запястьях, и я быстро засемила к выходу, не забыв прихватить с собой халат.

Выйди из комнаты делаю глубокий вдох. Пока иду по коридору, стараюсь прислушиваться к своему телу. Пытаюсь разобраться в собственных ощущениях. В целом, пока всё вполне сносно. Я понимаю что сейчас удары лёгкие, но в

любом случае это действительно не те побои которые мне неоднократно наносили в детском доме. Например сейчас я не испытываю совершенно никакой боли или же малейшего дискомфорта. Разве что запястья немного щекотит после ремешков. Стараюсь не задержаться. Сделав свои дела, я возвращаюсь в БДСМ комнату, где застою мужчину уже совершенно в другом настроении.

11 Глава

Амон с суровым видом и кнутом в руках ждал меня в центре игровой комнаты.

Я поняла всё без слов.

Дамир предупреждал меня, что я не должна прерывать сессию. Только доминант имеет право уйти, когда ему вздумается. Вот же блин. Как я могла забыть об этом. Амон, он тоже хорош. Заболтал меня, я вообще забыла обо всех установках.

Меня ждёт наказание. Это я прочла по глазам мужчины. И вот теперь мне действительно страшно.

Делаю шаг вперед. На этот раз без колебаний сбрасываю с себя халат прямо на пол.

Хочу встать на колени, но Амон останавливает меня взглядом. Я понимаю его молчаливый жест. Он отходит немного в сторону, показывая встать прямо перед ним.

Как только я оказываюсь рядом, Амон поднимает мои руки и пристегивает их к висящим над потолком наручникам.

В комнате полнейшая тишина, даже не слышно шагов мужчины. Опускаю вниз глаза и вижу, что Амон босиком. Очевидно, поэтому ступает он бесшумно.

— Ты понимаешь, за что будешь наказана?

— Да, Господин.

— Ты знаешь правила игры, верно?

— Да, но я...

— Аа! — кричу больше от неожиданности, чем от боли.

Амон стеком ударяет меня по ягодице.

— Ты смеешь спорить?

— Вы сказали это...

— Аа! — снова удар. По другой ягодице и куда болезненнее.

Ему не нужны мои оправдания. Ему нужно поставить меня на место. Загнать в определенные рамки.

Дамир говорил мне о том, что Амон помешан на дисциплине, он не дает спуска своим сабам.

— Сколько мужчин у тебя было? — голос Амона жесткий.

Я знала, что этот вопрос он мне задаст. Только вот что мне ему ответить?

— Могу не отвечать на этот вопрос? — принимаю слабую попытку отвертеться.

— Нет! Так сколько?

— Я не смогу назвать точную цифру!

Слышу усмешку мужчины.

— Настолько много, что посчитать не можешь, — кажется, это был не вопрос...

Разумеется, я на него и не отвечаю. Сейчас боюсь утопить себя. Боюсь, что Амон всё поймет, поймет, что у меня никого не было и вернет меня Дамиру. И параллельно с этим боюсь, что Амон не захочет спать со шлюхой, у которой «было очень много мужчин». И тоже вернет меня.

Трясу головой, чтобы прогнать ненужные мысли, которые вызывают во мне панику.

Снова слышу усмешку, кажется, этот жест мужчины расценил по-своему.

— У тебя когда-нибудь был групповой секс?

— Нет... — голос от волнения просел. Только бы он не решил поделить меня с кем-либо.

— Хорошо!

— Мм...

Снова удар. Амон с каждым разом бьет сильнее, он словно проверяет мою выносливость.

Острая боль через короткое время перерастает в жжение, что разливается по коже, потом снова покалывание и приятный жар, гораздо сильнее, чем десять минут назад.

Мне сложно стоять вот так, с поднятыми руками. Мои стопы едва касаются пола. Тело уже начинает ломить от напряжения.

— Насколько профессионально ты делаешь минет?

— А есть какие-то критерии? — в ответ мне была тишина.

— Никто не жаловался.

Ну, а что я могу ему ответить? Вообще не понимаю, к чему все эти вопросы? Ни за что не поверю, что в БДСМ интересуются исключительно приличные дамы. Уверена, что любая из них прошла довольно продуктивный путь.

— Ну, да. С таким-то опытом.

До скрежета стискиваю зубы. Откуда ему знать о том, ка-

кой у меня был опыт? Ну и что, что я сама болтала про себя всякое. За ноги никто же меня не держал. Да какое ему дело вообще?!

— Обычно мне плевать на то, сколько мужчин было у сабы, — Амон что, умеет читать мысли? — Но это потому, что все мои нижние достаточно взрослые. Не моложе двадцати пяти. Да и любую я могу легко заменить. Ты, Камилла, нечто иное. Ты понравилась мне, и ты останешься со мной надолго...

— В смысле, надолго? Насколько надолго? — прикусываю язык. Я слишком вспыльчивая, а должна быть тихой и покорной. И Амон напоминает мне об этом новым, хлестким ударом.

— Я лишаю тебя права получать удовольствие от моих рук.

Молчу, но хмурюсь. Это как вообще?

— Тебе ведь нравилось, когда после секса твой партнер гладил тебя, обнимал. Всем женщинам нравится это! — О, ёлки-палки, он об этом. Пфф. Переживу! — После сессии тебе так же, как и всем, будет хотеться объятий, элементарных поглаживаний. На это можешь не рассчитывать. Как только заканчивается сессия, ты отправляешься в свою комнату.

— Да, господин...

Тоже мне, расстроил!

— Я не закончил! — строго.

— Братъ я тебя буду исключительно в зад и рот. По пово-

ду первого можешь не переживать, разумеется, я хорошенько тебя подготовлю к этому, у меня нет цели навредить тебе. Если я решу, что ты достойна получить разрядку, то мы воспользуемся стимулирующими игрушками. Не хочу касаться помойки, в которой побывало целое стадо бомжей.

А вот это уже не так весело...

Я бы даже сказала, обидно. Блин, вот реально обидно! Странно, но когда в детском доме за моей спиной шептались о том, какая я, — мягко говоря, “падшая девушка”, — мне было совершенно плевать. А вот слышать это от солидного, не побоюсь этого слова, — видного мужчины, — неприятно до чёртиков.

— Я привык всего добиваться сам и не считаю правильным давать что-либо просто так. Это касается и материального обеспечения. Любую привилегию нужно заслужить.

— А по-моему, ты просто жмот, — разумеется, вслух я этого не произношу.

Новый удар. Больно, очень больно, но на этот раз я не издаю даже звука.

— Мы подпишем договор, — продолжает через время. Мне кажется, он намеренно дал мне возможность прийти в себя. — Разумеется, я не лишу тебя права внести пределы допустимого, но учти, я в свою очередь имею право их оспорить.

— Господин, позвольте...

— Говори.

— Какое же это моё право, если вы его можете оспорить?

— Есть вещи, которые я очень люблю проделывать со своими нижними. Они прописаны в договоре отдельным пунктом. Их ты отменить не можешь. Так же, как и отказаться от сессии. Твоя голова болит или еще что — меня не волнует.

Амон расстегивает наручники и подает мне крем, которым я, как понимаю, могу растереть затекшие запястья.

Мне всё это жутко неприятно. Его пренебрежительное отношение меня почему-то напрягает в прямом смысле. Надеюсь, это всё пройдет, а то как-то очень некомфортное чувство.

— То что сейчас было, наказанием назвать нельзя! Я и со-той доли не показал тебе того, что будет за твоё непослушание. Изучи как можно подробнее контракт. — Амон подаёт мне серую папку. — У тебя для этого будет целых три дня. Я уеду в командировку, никто беспокоить тебя не будет. Когда я приеду, мы с тобой всё подробно обсудим.

— Да, господин.

— Учти, Камилла, после подписания договора ты будешь лишена права на что-либо. Ты станешь безвольной куклой. Так что хорошо подумай!

— Вы так говорите, будто я могу отказаться.

— Конечно можешь, почему нет? — я внутренне содрогнулась. — Ты же не пленница. Ты подарок.

— Вы меня отпустите? — внутри поднимается целая буря, и в это же время всё замирает в ожидании ответа.

— Если не подпишешь, разумеется, отпущу. Верну старому владельцу.

— Дамир не владел мной.

— Хоть это радует. Но всё равно я верну тебя ему. Так будет правильно.

Вот же урод!

Интересно, Амон знает, что меня ждет, если он вернет меня Дамиру?

Думаю, да! Иначе зачем бы он так говорил?!

Все эти три дня я просидела в своей комнате.

В первый день я не то что ничего не ела, крошки в рот не брала. Я до семи вечера и воды-то не пила. Просто на кухне весь день была домработница. Я где-то к обеду зашла к ней, хотела познакомиться и как раз спросить, могу ли я чего-нибудь перекусить. На моё «здравствуйте» был полный игнор и демонстративно убрана кастрюля в холодильник.

Я хмыкнула и потянулась к фруктовой корзинке. Там были мои любимые груши. Но и её женщина прибрала в сторону от меня. Я равнодушно пожала плечами и тут же ушла. И, кстати говоря, это меня вообще никак не задело. Единственное, что меня беспокоило, — острое чувство голода.

Но уже на следующий день пришёл мистер «Вас это не касается» и устроил домработнице разнос.

С чего именно всё началось, я не слышала, но мужчина громко кричал на женщину, мол, «Ты ополоумела? Хозяин

вернётся, а его игрушка с голоду ослабла». И что первой слетит его голова.

Было бы, конечно, неплохо. Мне не нравится этот мужчина. Слишком много себе позволяет!

Домработница, она же и повариха по совместительству. Временно, как я поняла. Пока повар в отпуске. Она пригласила меня к столу уже минут через тридцать. И уже была со мной куда более вежлива и обходительна.

Правда, после сытного обеда она основательно протёрла за мной стул и выбросила тряпку в урну. Она думала, я не заметила, но в глянцевого отражении буфета всё прекрасно было видно.

И на этот раз никаких эмоций, кроме усмешки, эти действия у меня не вызвали. С самооценкой у меня всё в порядке. Нет, она не завышена, ну и кем-то хуже, чем остальные, я себя не считаю. Мнение окружающих — это их право, и если домработнице я не нравлюсь, то пусть выбрасывает хоть всю посуду после меня. У Амона достаточно денег, чтобы ежедневно покупать новые сервизы.

Конечно, я понимаю, каждый из работников этого дома прекрасно осведомлён об увлечениях своего хозяина. А ещё Дамир предупреждал — жаловаться я не имею права. Мои проблемы должны оставаться исключительно моими. Думаю, об этом тоже известно каждому в этом доме, а значит, подобное отношение станет нормой. Да и плевать.

За эти три дня семь листов договора я прочитала вдоль и

поперёк.

Всё хорошенько обдумала и поняла, что всего этого я не вынесу.

У меня далеко не два пункта, которые я категорически не перенесу. Прочитав всё досконально, я пришла к выводу, что на зоне было бы ненамного хуже. Ну разве что поочерёдно меня там драли бы все, кому не лень, а тут один. — Впрочем, аргумент весомый.

Я долго думала и перебирала в голове, что смогу вытерпеть, а чего нет. Последнюю ночь я не спала толком. Единственный вывод, к которому я пришла за это время, — это то, что выбора у меня всё равно нет. Единственное, остаётся надеяться, что я Амону быстро надоеду и он меня вышвырнет!

— Ну что, Кнопка, ознакомилась с договором?

Фахри вернулся ещё утром, но домой заехал только для того, чтобы принять душ и переодеться. Потом снова уехал, через водителя предупредив меня о том, что вечером, когда он придет, мы подпишем договор.

Причём он так и сказал — не «обсудим», а именно «подпишем»!

— Да, я всё внимательно изучила, — двигая стул ближе к столу, сажусь удобнее.

Вся прислуга после семи вечера расходится. Мы с Амоном в доме одни. Расположились за большим столом в обеденном зале. В кабинет Амон меня приглашать не стал!

— Замечательно!

— Я хочу убрать несколько пунктов.

— Несколько? — приподнимает бровь, но по-прежнему остаётся в достаточно расслабленной позе.

— Я хочу исключить все предметы, которые в той или иной степени могут причинить вред моему здоровью.

— Что за вздор, Камилла? У меня нет предметов, которые способны в той или иной степени нанести вред твоему здоровью.

— Зажимы для сосков, тиски для груди, стягивание груди верёвками, лентой, проволокой. Это всё может привести к травмированию молочных желёз и в дальнейшем вызвать мастопатию или рак груди.

— Ого, какие познания, — кажется, Амон находит всё это жутко забавным.

— Каким образом могут навредить ленты?

— Ну... Хорошо. Может, с ними я и погорячилась, но суть ты понял.

Громкий удар по столу заставляет меня подпрыгнуть на месте.

— Это твоя первая грубая ошибка, — голос жёсткий, почти злой. — Ещё две, и ты в комнате боли.

— Прошу прощения, господин.

М-да, тыкать ему явно не стоит!

— Я тебе уже говорил, чтобы называла меня по имени, а тем более тыкать мне — это нужно заслужить. Всё в моём

доме нужно заслужить.

— Я ещё не подписала договор. Вы, — делаю акцент, — пока что не имеете права повышать на меня голос. Да и вообще, если вы не считаете нужным хотя бы немного, в элементарных вещах уважать меня, то нет смысла продолжать данный разговор, — чуть приподняв голову, впиваюсь в мужчину острым взглядом.

Знаю, что очень рискую, но попробовать облегчить себе хотя бы морально здесь существование я должна. Какой бы сильной я ни была, рано или поздно скотское отношение опустит мою самооценку ниже плинтуса, после чего я сама начну себя разрушать.

— Ух ты, какая? — снова усмешка. — Продолжай, чего там ещё?

— Вы сказали, что вам неприятно прикасаться к моей Ёничке!

В момент, когда я говорила, Амон пил воду, и вся вода, которая была в этот момент в его рту, брызгами полетела в разные стороны.

— Если вам, господин, удобнее, чтобы я называла вещи своими именами, то разумеется, я могу и так, — говорю совершенно серьёзно. — В мою писю вы не будете погружать никакие предметы. Не будете её касаться тем более, не будете трахать меня туда.

— В последнем можешь даже не сомневаться, но всё остальное...

— Категорически нет! — Я прямо чувствую моральное удовлетворение от того, что у Амона подпортилось настроение. — Этот пункт очень важен для меня. Я хочу, чтобы он в договоре был прописан. Внешние стимуляторы клитора я оставляю.

— Можем и их убрать. В отношении тебя меня волнует только моё личное удовлетворение.

— Как пожелаете, — натянуто улыбаюсь. — Ещё я хочу оставить за собой право внести изменения, если в ходе сессий появится то, что я не смогу вынести.

— Для этого есть стоп-слово!

— Красный?

— Мультиков насмотрелась? — Амон становится всё серьёзней. — Я не изобретал велосипед. Если возникнет ситуация, при которой ты что-то не можешь вынести, ты так и говоришь «стоп»!

— И последнее, но для меня не менее важное, — смотрю в глаза Амона с вызовом. — Приглушённый свет! Причём значительно приглушённый. Хотя бы первое время, — последнее говорю мягче. Это само собой получается и звучит больше как просьба. — Мне очень сложно будет расслабиться, господин. И вы, наверняка, будете это чувствовать.

— Исключено! Я что, в темноте искать тебя должен?

— Почему в темноте? Я прошу приглушать свет, а не гасить его полностью. Ну хотя бы... — встаю с места и подхожу к основному освещению. Убавляю его до полумрака.

— Чуть ярче! — добавляю совсем немножечко. — Хорошо. Но учти, только на первое время.

Фух, а я думала, он не согласится!

Приглушённый свет мне нужен не только потому, что мне действительно некомфортно при ярком освещении, но и для того, чтобы Амон не видел синяков на моём теле.

Удары стеклом были не такими уж и сильными. Просто кожа у меня очень чувствительная, от малейшего прикосновения появляются покраснения и синяки. Не слишком яркие и в глаза не бросаются, но всё же.

В целом подобное совершенно не страшно. Просто особенность моего тела и не более, но мужчину пугать мне действительно не хочется.

Хотя кого я обманываю? Ему будет плевать. Это скорее чтобы вопросов и последующих разъяснений с моей стороны не было.

— Какой из пунктов убираешь?

— Что?

— У тебя право только на два пункта. Тут выходит, что три.

— Все три очень важны для меня.

— Два!

— Все три! Если не соглашаетесь, значит, возвращайте меня Дамиру.

Пан или пропал!

12 Глава

— Мидас! — громко крикнул Амон, и уже через пару мгновений на пороге появился мистер. — «Вас это не касается»!

Теперь я знаю, как зовут мужчину на самом деле, но что-то мне подсказывает, что мне это уже не пригодится.

— Мидас, позвони Алу-Багаутдину и скажи...

— Это не честно! — сдуваюсь я.

Амон жестом показал водителю, что он может быть свободен, и перевел на меня суровый взгляд.

— Встань, разденься! — приказал.

Без колебаний. Встала со стула и сняла всё тот же халат.

— Повернись!

Неспешно выполнила приказ, уже понимая, что он всё понял.

— Что и требовалось доказать!

Говорил спокойно, разглядывая мои синяки.

— Тебе Дамир сказал, что у меня есть садистские наклонности?

— Нет! Ничего такого он не говорил. Наоборот, сказал, что ваши сабы на вас не жаловались.

— Вот именно, Камилла. Я не получаю удовольствия от вида слёз нижней, за исключением тех случаев, когда эти слёзы — от удовольствия. И в теме я не один год. Разумеет-

ся, на наших сессиях допускается приглушённый свет, но я должен видеть реакцию твоего тела.

Я предполагал, что твоя кожа чувствительная, но не думал, что до такой степени. Я хочу, чтобы ты кричала от удовольствия, а не от боли! Мне важно и видеть, и слышать тебя. Чувствовать твою отдачу. — Пойми, Камилла, во время сессии это очень важно!

— Что касается перетягивания груди... — Амон некоторое время молча смотрел на меня. — Мы попробуем с тобой всё постепенно. Зажимы для сосков, возможно, уберём, но перетягивание, связывание и прочее... — Тебе нечего бояться, Камилла! Даже начинающий доминант редко до такой степени не рассчитывает силу стягивания, чтобы навредить своей нижней. За все те годы, что я в теме, мне ни разу не доводилось слышать о том, чтобы сабе был нанесён вред здоровью подобным образом. — Слушая мужчину, мне почему-то становилось неловко. — Слишком пережатые участки кожи быстро меняют свой цвет, — продолжал он. — Доминант видит это. Кстати, ещё один показатель, почему сессию необходимо проводить при свете. Что касается твоей... — Как ты её ласково называешь? — Йёничка?

— Ничего туда не совать! — произнесла упрямо, решившись без разрешения набросить на себя халат. — Вы сказали, я могу исключить то, что не приемлю.

— Это не можешь.

— А что могу? — не ожидала от себя, но едва ли не пла-

чу. — Вы всё равно назвали её помойкой, зачем вам тогда вообще её касаться?

— Чего ты боишься? — спросил он, игнорируя мою последнюю реплику.

— Я не хочу, чтобы вы засовывали в меня огромные дилдо. — Мужчина начал гортанно смеяться. — Рада, что вам весело!

— Хорошо! Будь по•твоему. Максимум — небольшая вибропуля или что•то подобное, компактных размеров. В некоторых играх это просто необходимо. Попробуешь — за уши не оттащишь. Сама «дилдо» попросишь! — Снова усмешка.

Стиснув зубы, молчу. Если начну и сейчас сопротивляться, он может что-нибудь заподозрить.

— Что касается того, что ты сдерживаешься...

О чём говорит Амон, я понимаю сразу.

— Я повторяю: этого делать категорически нельзя. Я должен слышать твои настоящие живые эмоции. Понимать, что тебе нравится, а что нет. Знать твои вкусы и предпочтения.

— Зачем?

— Для обоюдного удовольствия.

— Вы говорили, вас волнует только ваше удовольствие.

Амон снова проигнорировал сказанное.

— Ставь свою подпись и идём в игровую.

— Но...

— Если возникнут сложности с чем•либо, я возьму это во

внимание.

— То есть если будет применена та или иная вещь...

— Которая будет тебя раздражать, а не дарить удовольствие, она будет тут же исключена.

Выбора у меня всё равно нет. Заношу руку с шариковой ручкой над графой «подпись», и меня словно обухом по голове.

— Не плюйте в меня! — говорю резко. — Пожалуйста, я уверена, меня стошнит.

— Ты меня оскорбляешь сейчас, Кнопка. — говорит, но при этом снова смеётся. — На начальных этапах этого и не практикуют. — Уже серьёзно. — По крайней мере, если доминант уважает свою нижнюю. Всё происходит поэтапно, Камилла, и...

Амон замолкает. Он смотрит, как я вся сжалась. Не могу взять себя в руки.

Получается, мне на словах вроде что-то и можно, а на деле ничего нельзя, абсолютно.

— Хорошо! Можешь в графе «примечание» прописать, что саба не приемлет фетиша в виде... — Мм... Как бы сформулировать.

— Так и записать! — упрямо стою на своём.

Снова улыбается. Его улыбка в чёрной густой бороде едва заметна, но она делает его более мягким. Может, я полная дура, но он не злой по своей натуре. Мне так кажется.

— Ну хорошо, так и запиши: «Не приемлет фетиша в виде

слюны Мастера».

Быстро пишу слово в слово, как сказал Амон, и подписываю документ.

Единственное, что мне остаётся, — это довериться ему.

Надеюсь, он сдержит слово и не станет меня мучить, если что-то мне будет не нравиться.

— Хорошо! Через час у нас сессия. Прими душ и как следует подготовься.

— Да, господин!

Душевая, которой я пользуюсь, является исключительно моей, как я поняла. Душ для прислуги, как и туалет, находятся дальше по коридору.

В мою душевую принесли много всяких штук для гигиены, в том числе средства для подготовки к анальному сексу.

Несколько видов клизм, больших и поменьше. Смазки, кремы, лосьоны — всё на удивление имеет приятный, не слишком выраженный аромат.

Также появились шампуни с кондиционерами, гели для душа, увлажняющие кремы и прочее по мелочам. Только вещей моих по-прежнему нет. У меня есть только два шёлковых длинных халата и домашние тапочки.

Я по-прежнему стараюсь ни о чём не думать перед сессией. Ещё будучи у Дамира, я приняла решение пустить всё на самотёк.

Стоит признать, что всё не так уж плохо. Я пока не знаю, что меня сейчас ждёт. Но свято верю, что у Амона нет задачи

калечить меня.

Это самое главное. Это значит, нужно потерпеть, пережить определённый период и получить долгожданную свободу.

Без всякого сомнения, по своей наивности надеюсь, что Дамир сдержит обещание касаясь помощи в поступлении, но даже если и нет, мне не привыкать начинать жить заново, я справлюсь!

В игровую я вхожу практически без страха. В последний раз говорю себе, что должна перебороть себя. Переступить через всё это.

13 Глава

Амон, облачённый лишь в трико, смотрит заинтересованно.

Впрочем, как и я на него. Такое шикарное, прокаченное тело я видела разве что в фильмах.

Ну, а что, собственно, я удивляюсь? У кого есть деньги, у того и идеальное тело имеется.

Я же в нежно-алом шёлке стою у входной двери, не зная, нужно ли запирать её на ключ или...

Да, нет, наверное, не нужно!

Вообще я немного теряюсь. Решаю, что правильнее будет уточнить один момент.

Не зная, могу ли я говорить, неуверенно поднимаю руку.

— Спрашивай. — Амон сдерживает раздражение.

Я снова порчу его игру.

— Что я должна делать?

— Молчать! — очень строго.

На мгновение сжимаюсь. Делаю вдох и подхожу к Амону. Жду, что он прикажет мне встать на колени, но вместо этого он отходит

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.